

Анна Бену

СИМВОЛИЗМ СКАЗОК И МИФОВ НАРОДОВ МИРА

Анна Бену

Символизм сказок и мифов народов мира. Человек – это миф, сказка – это ты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371143

*Анна Бену. Символизм сказок и мифов народов мира. Человек – это миф, сказка – это ты: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-9265-0667-6*

Аннотация

Книга Анны Бену посвящена изучению зашифрованного языка сказки и мифа. В книге дается интерпретация сказочных героев и чисел, волшебных предметов, природных ландшафтов и явлений, символика цвета, стихий, времен года, растений и животных. Сказка и миф – способ заглянуть в самого себя, обнаружить там волшебников и добрых фей, злобных драконов и коварных ведьм, найти в себе героя, побеждающего иллюзии и обретающего мудрый опыт. Книга адресована всем интересующимся философией и символизмом сказочно-мифологического мышления народов мира, преподавателям школ и вузов, студентам, родителям.

Содержание

Введение	5
Исторический и символический подход к анализу сказок	14
Девять	15
Десять	18
Три сферы обитания сказочных персонажей	26
О чем говорят мифы о сотворении мира?	29
Эротизм сотворения мира	47
Символика чисел в сказках	59
Ноль	59
Один, единица	60
Два	61
Три	62
Четыре	66
Пять	70
Шесть	71
Семь	74
Восемь	75
Двенадцать	76
Весна	77
Осень	79
Зима	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Анна Бену

**Символизм сказок и мифов
народов мира. Человек –
это миф, сказка – это ты**

Фото Лилии Бабаян, Алексея Черникова и Анны Бену
Костюмы Екатерины и Светланы Мирошниченко, Анны Бену и
Валентины Мещеряковой

Грим Анастасии Дудиной

Дизайн обложки Александра Смолового и Анны Бену

Введение

О чем говорят мифы и сказки?

Общими для всех сказок являются остатки уходящего в древнейшие времена верования, которое выражает себя через образное понимание сверхчужденных вещей. Это мифическое верование походит на маленькие кусочки расколовшегося драгоценного камня, которые россыпью лежат на поросшей травой и цветами земле и могут быть обнаружены лишь зорко смотрящим глазом. Смысл его давно утерян, но он еще воспринимается и наполняет сказку содержанием, одновременно удовлетворяя естественное желание чудес; сказки никогда не бывают пустой игрой красок, лишенной содержания фантазии.

Вильгельм Гримм

Создать миф, так сказать, осмелиться за реальностью здравого смысла искать более высокую реальность – это самый явный признак величия человеческой души и доказательство ее способности к бесконечному росту и развитию.

Луи-Огюст Сабатье, французский теолог

Жизнь – это миф, сказка, с их положительными и отрицательными героями, волшебными тайнами, ведущими к познанию самих себя, взлетами и падениями, борьбой и освобождением своей души

из плена иллюзий. Поэтому все, что встречается на пути, – загадка, заданная нам судьбой в виде Медузы горгоны или дракона, лабиринта или ковра-самолета, от разгадки которой зависит дальнейшая мифологическая канва нашего бытия. В сказках пульсирующим ритмом бьются сценарии нашей жизни, где мудрость – Жар-птица, царь – разум, Кощей – пелена заблуждений, Василиса Прекрасная – душа...

Человек – это миф. Сказка – это ты...

Анна Бену

Почему сказки и мифы бессмертны? Умирают цивилизации, исчезают народы, а их сказания, мудрость мифов и легенд вновь и вновь оживают и волнуют нас. Что за притягательная сила сокрыта в глубинах их повествования?

Почему в нашей реальности мифы и сказки не теряют своей актуальности?

Что самое реальное в мире для тебя, читатель?

Для каждого человека самое реальное на свете – это он сам, его внутренний мир, его надежды и открытия, его боль, поражения, победы и достижения. Разве волнует нас что-либо больше, чем то, что происходит с нами сейчас, в данный период жизни?

В этой книге я рассматриваю сказки и мифы как сценарии жизни каждого из нас. Это про наших жар-птиц мудрости и Змеев Горынычей иллюзий повествуют старинные сюжеты. Это о нашей победе над хаосом повседневных препят-

ствий рассказывают древние мифы. Поэтому сказочные сюжеты бессмертны и дороги нам, они увлекают нас в новые путешествия, побуждают к новым открытиям их тайн и самих себя.

В этой книге рассматривается одна из многочисленных граней интерпретации древних мифов и волшебных сказок разных народов, сказочно-мифологического мышления и его символизма.

Многие исследователи сказки и мифа выявляют различные их аспекты, различные способы интерпретации, взаимобогащающие друг друга. Владимир Пропп рассматривает сказки с точки зрения народных верований, обряда, ритуала.

К.Г. Юнг и его последователи – с точки зрения архетипического опыта человечества. Юнг утверждал: именно благодаря сказкам можно наилучшим образом изучать сравнительную анатомию человеческой психики. *«Миф – это естественная и необходимая ступень между бессознательным и сознательным мышлением»* (К.Г Юнг).

Американский исследователь мифов Джозеф Кемпбелл считает мифы источником развития, информации и вдохновения человечества: *«Миф – это тайные врата, через которые неистощимая энергия космоса изливается в культурные достижения человека. Религии, философские учения, искусство, социальные установления первобытных и современных людей, базовые открытия науки и технологии, даже наполняющие наш сон сновидения – все это капли из вол-*

шебной кипящей чаши мифа».

Индийский философ XX века Ананда Кумарасвами говорит о мифе: *«Миф воплощает собой теснейшее сближение с абсолютной истиной, какое только может быть выражено в словах».*

Джон Френсис Бирлайн, американский исследователь мифов в книге «Параллельная мифология» пишет: *«Мифы – древнейшая форма науки, размышления о том, каким образом возникла Вселенная... Мифы, взятые сами по себе, проявляют удивительное сходство между культурами различных народов, разделенных огромными расстояниями. И эта общность помогает нам увидеть за всеми различиями красоту единства человечества... Миф это своего рода уникальный язык, описывающий реалии, лежащие за пределами наших пяти чувств. Он заполняет пропасть между образами подсознания и языком сознательной логики».*

А.Н.Афанасьев с удивительным постоянством видит во всех мифах и волшебных сказках природные явления: солнце, тучи, гром и молнии. Прометей – это огонь молнии, прикованный к скале-туче; злобный Локки германской мифологии – тучи и гром; бог Агни индийской мифологии – «окрыленная молния»; «кочерга – эмблема молниеносной палицы бога Агни, помело – вихря, раздувающего грозное пламя»; крылатый конь – вихрь; Баба Яга, летающая на метле-вихре, – туча; хрустальная и золотая гора – небо; остров Буян – весеннее небо; могучий дуб острова Буяна, так же, как

и чудесное дерево Валгаллы, – туча; все драконы и змеи, с которыми борются герои – тоже тучи; девица краса – красное солнце, похищаемое змеем – символом зимних туманов, свинцовых туч, а освободитель девицы – герой-молния, разбивающая тучи; чудо-юдо рыба-кит, золотая рыбка и щука Емели, исполняющая желания, – туча, наполненная плодотворною влагой жизнедающего дождя и т.д. и т.д.

Афанасьев в своей книге «Поэтические воззрения славян на природу» очень подробно, объемно рассматривает одну из граней интерпретации сказки и мифа.

Конечно, человек, живущий в окружении природы, ее стихий, не может не отражать ее в своих поэтических сравнениях. Но как микрокосм, человек несет в самом себе отражение макрокосма – всего окружающего мира, поэтому можно рассмотреть сказочно-мифологическое мышление человечества как размышление о смысле и цели своего бытия в этом необъятном, полном намеков и подсказок удивительном мире.

«Миф – это символическая история, раскрывающая внутренний смысл вселенной и жизни человека» (Алан Уотс, английский писатель и западный комментатор дзен-буддистских текстов).

Наиболее объективное исследование сказочно-мифологического мышления древних народов можно совершить, синтезируя опыт многих авторов.

Мирча Элиаде призывает к изучению символических си-

стем, составляющих одну из областей самопознания человека, объединяя разносторонний опыт профессионалов: «... такое изучение будет по-настоящему полезным лишь при условии сотрудничества между учеными разных специальностей. Литературоведение, психология и философская антропология должны учитывать результаты работ, проведенных в области истории религии, этнографии и фольклористики».

Данное исследование не претендует на абсолютную объективность. Да и кто может на нее претендовать, хотя и хочется? Истина, сокрытая множеством покровов, вдруг на миг приподнимает одну из своих завес внимательно вглядывающемуся в ее неуловимое лицо, дарит радость встречи возлюбившему ее и вновь ускользает под призрачными вуалями бесконечных тайн. Но у нас остается радость встречи и ее аромат, ее дыхание...

Так когда-то, начиная задумываться над смыслом мифа и сказки, пытаясь проникнуть в их суть, я испытывала радость открытий, анализируя их сначала на уроках с детьми, потом со студентами. Мне казалось – эврика! Я открыла! А несколько лет спустя, когда я получала диплом в Вальдорфской школе, прочитала книгу немецкой исследовательницы европейской народной сказки Фридель Ленц, обнаружив многие свои открытия, но сделанные гораздо раньше. Что ж, по крайней мере, это говорит о большей объективности этих открытий. А радость встречи со сказкой в сво-

ей жизни, мифотворчество своего бытия всегда пребывают с нами.

Начнем с экскурса в историю.

«Слово «миф» происходит от греческого *mythos*, которое в глубокой древности обозначало «слово», «высказывание», «историю»... Миф обычно объясняет обычаи, традиции, веру, социальный институт, различные феномены культуры или явления природы, опираясь на якобы фактические события. Мифы повествуют, например, о начале мира, о том, как были созданы люди и животные, откуда и как произошли некоторые обычаи, жесты, нормы и т.п.

Мифы часто классифицируют по их тематике. Наиболее распространены космогонические мифы, мифы о культурных героях, мифы о рождении и воскрешении, мифы об основании городов.

Мифотворчество – свойство человеческого сознания вообще. Миф формируется в исходных формах в подсознании и сознании человека, он близок к его биологической природе». (Лалетин Д.А., Пархоменко И.Т.)

Волшебные сказки и мифы, созданные в разных уголках мира, одинаково интересны, понятны и притягательны для людей любых национальностей, любого возраста и профессий. Следовательно, символы и образы, заложенные в них, универсальны, характерны для всего человечества.

Цель данного исследования – не полемизировать о различиях мифа и сказки, а проанализировать аналогичные сим-

волы и явления, существующие в них. Для этого подумаем, что есть символическое мышление.

Символическое мышление присуще человеку от начала времен. Посмотрим вокруг: буквы алфавита – это символы; книги – набор понятных нам символов; слова – набор звуков, которые мы условно приняли за эталон и поэтому понимаем друг друга. При упоминании только этих двух понятий – слова и буквы, становится понятно, что без символов и символического мышления развитие человека невозможно. Можно перечислять и далее: символы религий, медицинские обозначения, денежные единицы, дорожные знаки, орнаментальные символы в искусстве, обозначения химических элементов, обозначения и символы, используемые в компьютерном мире и т.д. И чем дальше развивается цивилизация, тем больше ей требуется условных знаков, символов для обозначения определенных явлений, открывающихся перед ней.

«...благодаря символам Мир становится «прозрачным», способным показать Всевышнее» (Мирча Элиаде).

Как понимали мир древние народы? Что несет в своей сути сказка и миф, кроме того, что лежит на «поверхности» текста?

«Символический образ мышления присущ не только детям, поэтам и безумцам, – пишет историк религий Мирча Элиаде, – он неотъемлем от природы человеческого существа, он предшествует языку и описательному мышлению.

Символ отражает некоторые – наиболее глубокие – аспекты реальности, не поддающиеся иным способам осмысления. Образы, символы, мифы нельзя считать произвольными выдумками *психеи-души*, их роль – выявление самых потаенных модальностей человеческого существа. Их изучение позволит нам в дальнейшем лучше понять человека...» (Мирча Элиаде. «Миф о вечном возвращении»).

Символический анализ сказочно-мифологических представлений древних цивилизаций многое может открыть нам. Изучение символов – это бесконечное и притягательное путешествие во времени и пространстве, приводящее к вневременному, к пониманию самих себя.

Исторический и символический подход к анализу сказок

Известный исследователь волшебной сказки В.Я. Пропп, изучавший исторические корни волшебной сказки, проводит взаимосвязи сказки и социального строя, обряда, ритуала.

Девять

Тридевятое царство, тридесятое государство

В.Я. Пропп приводит пример того, как герой ищет себе невесту за тридевять земель, в тридесятом царстве, а не в своем царстве, считая, что здесь могли отразиться явления экзогамии: невесту почему-то нельзя брать из своей среды. Это явление можно рассматривать не только с исторической точки зрения, но и с символической. Для этого необходимо обратиться к символике чисел. Тридевятое царство – это три раза по девять. Мы видим здесь тройку – мистическое число, выделяемое во всех древних культурах (см. «Символика чисел в сказках»). Древние представляли мир как некое триединое начало, как мы увидим позже, разбирая космогонические мифы. Триединство идеи, энергии и материи; миров – небесного, земного и подземного, загробного. Девятка является последним числом от одного до десяти – далее числа повторяются во взаимодействии. При умножении девяти на любое число, в результате сложения цифр получившейся суммы всегда будет девять. Например, $2 \times 9 = 18$, $1 + 8 = 9$, $3 \times 9 = 27$, $2 + 7 = 9$, $9 \times 9 = 81$, $8 + 1 = 9$ и т.д. Таким образом, 9 воплощает в себе полноту всех чисел и является символом бесконечности. Можно предположить, что тридевятое царство

– символ полноты триединства мира, которое ищет главный герой, хочет обрести и заключить с ним союз, вступив в брак с прекрасной девой и часто воцаряясь в нем, не возвращаясь обратно. Мирча Элиаде считает, что дерево, растущее за тридевять земель, на самом деле находится в другом мире – не физической реальности, а трансцендентальной.

В немецкой сказке (Афанасьев, том 2) мальчик-пастух поднимается по огромному дереву три раза по девять дней. Пройдя первые девять дней, он попадает в медное царство с медным источником, пройдя следующие девять дней – в серебряное царство с серебряным источником. Поднимаясь еще девять дней, он входит в золотое царство с источником, бьющим золотом. Здесь мы видим эволюцию сознания, движение по вертикали от медного – менее драгоценного до золотого. Золото также является символом солнца, его лучей и истины. Т.е. здесь мы наблюдаем путешествие сознания к истине, сокрытой на вершине мирового древа – вершине космоса. Девять дней – это законченный цикл. (Неслучайно и беременность длится именно девять месяцев.) Т.е. мальчик познает мир по ступеням знаний от единицы – начального, элементарного знания, до девятки – полноты определенной области бытия, т.к. далее цифры лишь повторяются. Это можно сравнить со школой с первого по девятый класс – познание медного царства – сбор необходимых начальных знаний. Следующие девять ступеней подъема в серебряное царство – это обучение в вузе, обретение более углубленно-

го, более драгоценного опыта и знаний. Далее следует подъем на девять ступеней в золотое царство – царство зрелости золотого истинного плодотворного опыта, накопленного за годы подъема.

Посещение медного, серебряного и золотого царств и погружение в их источники говорит о пути познания от земного знания до высот небесных знаний к золоту истины, к трансцендентному опыту и преображение в нем.

Десять

Тридесятое царство-государство

Десять – это единица и ноль. Единица – начало отсчета. Пифагор говорил: «Единица – отец всего», подразумевая под этой цифрой Логос, изначальную идею, творящую мир, то, из чего все рождается. Ноль предшествует единице, это то небытие, первозданный океан, из которого рождается Логос – единица и куда все, пройдя свой путь развития, возвращается. Ноль – некое бесконечное вневременное состояние. Единица и ноль – это идея и ее полное осуществление и завершение, вплоть до возвращения к своему первоисточнику, полная реализация данной идеи.

Тридесятое царство – три раза по десять. Это полная реализация трех миров: мира идей – небесного, духовного, мира эмоций – сферы земного бытия и мира действий или опыта предков – область загробного мира (в одном из контекстов).

Другой пример Проппа. Он проводит аналогии между обычаем зашивать в шкуру покойника и сказочным мотивом, где герой сам зашивает себя, например, в шкуру коровы, затем его подхватывает птица и переносит на гору или в тридевятое царство. Здесь также можно применить не только исторический, но и символический подход, опирающийся на исторические корни. Так, во многих архаических культурах существовал культ матери, и в земледельческих культурах

корова несла в себе материнское жизнедающее начало, была символом плодородия. Защитить себя в шкуру коровы это значит символически переродиться в утробе матери. Далее птица выносит героя. Птица – обитатель небесной сферы, которая у большинства народов была символом духовной сферы, небо было обителью высших существ, богов. Птица переносит героя в тридевятое-десятое царство, т.е. перерождаясь в шкуре коровы, герой обретает при помощи птицы – своего устремления к познанию – полноту бытия.

Пропп считает также, что некоторые сюжеты сказок возникли в результате переосмысления обряда и несогласия с ним. Так, «был обычай приносить девушку в жертву реке, от которой зависело плодородие. Это делалось в начале посева и должно было способствовать произрастанию растений. Но в сказке является герой и освобождает девушку от чудовища, которому она выведена на съедение. В действительности в эпоху существования обряда такой «освободитель» был бы растерзан как величайший нечестивец, ставящий под угрозу благополучие народа, ставящий под угрозу урожай. Эти факты показывают, что сюжет иногда возникает из отрицательного отношения к некогда бывшей исторической действительности».

И этот сюжет подвергается символическому анализу. Мотив «красавицы и чудовища» встречается впервые у древнеримского философа и писателя Апулея в его романе «Золотой осел», куда он включил сказку под названием «Амур и

Психея». Имя главной героини говорит о том, что действие происходит в сфере анимы – души, эмоциональной сферы человека. Анализируя сказки далее, мы увидим, что женское начало – это сфера эмоций, душа, а мужское – сфера логоса, разума. Чудовище, змей, дракон – символ хаоса, неосознанной агрессии, инстинктов, которые стремятся поглотить неразумную деву – эмоции, душу, но сфера разума побеждает это негативное начало и освобождается от него. Если использовать терминологию Фрейда, то Герой – это Я человека, сознательное разумное ядро личности. Знания о том, как победить хаос и какими средствами, как победить чудовище и освободить деву – психоэмоциональную сферу, – дает герою Сверх-я. Само чудовище – Оно – «кипящий котел инстинктов».

Таким образом, в сказках есть исторические корни, которые превращаются в объективный символ, доступный пониманию каждого человека. На Руси существовал обряд перепекания младенца, если он рождался недоношенным или болезненным. Ребенка обмазывали тестом – символизирующим солнечные лучи, укладывали на ухват и помещали в теплую печь, а когда его вынимали, считалось, что он родился заново. Здесь можно провести аналогии с сюжетом, где Баба Яга, унося детей, стремиться сжечь их в печи, т.е. символически переродить.

Пропп также приходит к выводу, что не все в сказках можно объяснить исторической реальностью, традицией и об-

рядом. Так, «если Баба Яга грозит съесть героя, то это отнюдь не означает, что здесь мы непременно имеем остаток каннибализма. Образ яги-людоедки мог возникнуть и иначе, как отражение каких-то мыслительных, а не реально-бытовых образов... В сказке есть образы и ситуации, которые явно ни к какой действительности не восходят. К числу таких образов относятся, например, крылатый змей и крылатый конь, избушка на курьих ножках, Кощей и т.д.».

Пропп отнес эти символы к мыслительной действительности.

Мирча Элиаде считает героев сказочно-мифологических миров рожденными сферой подсознания. «Подсознательное, как его называют, гораздо поэтичней и философичней, мистичней, чем сознательная жизнь... Подсознание населено не одними только чудищами: там скрываются также боги, богини, герои и феи; да и чудища подсознания тоже мифологичны, они продолжают исполнять те же функции, что отведены им во всех мифах: в конечном счете, они помогают человеку полностью освободиться, завершить свое посвящение».

Если бы сказки относились только к исторической реальности, а история, традиции и обряды у всех народов разные, то они не стали бы общечеловеческими.

Швейцарский психоаналитик, ученица Юнга, Мария-Луиза фон Франц утверждает, что волшебные сказки находят-

ся вне культуры, вне расовых различий, являются интернациональным языком для всего человечества, для людей всех возрастов и всех национальностей. Мария-Луиза фон Франц отвергает теорию происхождения сказки из ритуала, обряда, считая основой сказки архетипический опыт человечества. Она считает происхождение и сказки, и ритуала из архетипического опыта. (Пример: «автобиография Черного Оленя, шамана племени американских индейцев Оглала Сиу»). Заколдованность персонажей она сравнивает с психическим заболеванием и освобождение от колдовства – избавлением от болезни. *«С психологической точки зрения заколдованного героя волшебной сказки можно было бы сравнить с человеком, единой структурной организации психики которого нанесено повреждение и поэтому она не в состоянии функционировать нормально... Если, например, анима какого-нибудь мужчины характеризуется невротическими свойствами, то, даже если сам этот мужчина и не является невротиком, он все равно будет ощущать себя в какой-то степени заколдованным... быть заколдованным означает, что какая-то отдельная структура психического комплекса повреждена или стала непригодной для функционирования, а от этого страдает вся психика, поскольку комплексы живут, если так можно выразиться, внутри определенного социального порядка, заданного целостностью психического, и это – причина того, почему нас интересует мотив заколдованности и средства для излечения от нее».*

М.Элиаде говорит о воображении, рожающем мифы и сказки, как неотъемлемой части психического здоровья человека и нации в целом. *«Та сущностная неотъемлемая часть человеческой души, которую зовут воображением, омывается водами символики и продолжает жить архаическими мифами и теологическими системами... Народная мудрость неизменно настаивает на важности воображения для духовного здоровья личности, для равновесия и богатства его внутренней жизни... Психологи, и в первую очередь К.-Г.Юнг, показали, до какой степени все драмы современного мира зависят от глубинного разлада души-психеи, как индивидуальной так и коллективной, – разлада, вызванного в первую очередь всевозрастающей бесплодностью воображения. Обладать воображением – значит пользоваться всем своим внутренним богатством, непрерывным и спонтанным кипением образов».*

М.Элиаде считает способность к мифотворчеству, сновидения, грезы наяву силами, возносящими обусловленное человеческое существо в духовный мир, куда более богатый, чем замкнутый мирок его *«исторического момента»*.

В отличие от Марии-Луизы фон Франц и В.Я. Проппа, немецкий исследователь и психоаналитик Фридель Ленц рассматривает сказку как внутреннюю историю жизни каждого из нас, где все персонажи – это различные качества и начала человека. *«Сказки – это выраженные в образах внутренние судьбы и пути развития отдельного человека».*

Фридель Ленц, проанализировав многие европейские сказки, дает интерпретацию символов, встречающихся в них. Она дает символику ландшафтов, служб и профессий, одежды, украшений, оружия, растений, сказочно-мифологических существ и т.д. Фридель Ленц утверждает, что сказка похожа на маленькую драму, которая разыгрывается на нашей внутренней сцене, где персонажи в облике человека – душевно-духовные силы, персонажи в облике животных – влечения и инстинкты, а ландшафты – внутреннее место действия. Она также рассматривает человека с точки зрения трехчленного деления на тело, душу и дух, так называемую трихотомию, имевшую силу в Европе вплоть до девятого века. Создатели сказок основывали их на учении о трехчленном человеке, понятийно сформулированном уже Аристотелем. «*Дух* человека, его вечная энтелехия, его «я» появляются в мужском образе, и все подчиненные ему силы представляются как мужские. *Душа* открывается в образном языке всех народов как женское существо, и все душевные качества появляются в женских образах. *Тело*, как защищающая оболочка, являет себя в виде дома, замка, хижины, башни».

**Таким образом, умея интерпретировать волшебные сказки и мифы, мы получаем ключи к разрешению психических проблем. Помимо освобождения от «за-
клятья болезни» сказки несут правильный образец, архетипическую модель поведения. В них заложен и смысл бытия, как в глобальном понимании – цель**

жизни отдельного человека, так и цепь смыслов каждого текущего момента. В каждое мгновение нашей жизни мы делаем выбор, определяющий, будем ли мы заколдованы его ошибкой – и тогда нужно будет искать волшебные средства мысли, силы воли, терпения и упорства на пути к освобождению. Либо, делая изначально правильный выбор, мы пожинаем радость открытий, творчества, счастья. Но в любом случае расстраиваться по поводу ошибки не стоит – посмотрим на мифы и сказки: герои, прежде чем совершить подвиги, идут «налево», а затем, исправляя содеянное, становятся победителями. И на пути к победе мы, как и герои сказки, получаем волшебные предметы – волшебный опыт, драгоценное познание нашего пути, нашей жизни и самих себя.

Три сферы обитания сказочных персонажей

Можно распределить всех сказочных обитателей, а также волшебные предметы, стихии, природные ландшафты по трем сферам: небесной, земной и подземной.

К небесной относятся боги, символы мудрости в виде волшебников, фей, волшебных животных, стихий огня и населяющих ее саламандр, воздуха и населяющих его эльфов. Птицы также относятся к небесной сфере. В этом сходятся мнения и Марии-Луизы фон Франц, и Фридель Ленц. «Птицы являются воплощением почти бестелесной сущности, а также отождествляются и с дыханием, так как обитают в воздухе, а следовательно, и с человеческой душой... В Северной Америке живет племя, в котором слово «перо» используется как суффикс для обозначения того, что существует только психологически, а не в объективной реальности... Когда североамериканские индейцы или эскимосы отправляли приглашение для другого племени на религиозный праздник, то в руках посланников всегда были палки с перьями, что делало их неприкосновенными. Прикрепляя к себе перья, первобытные люди хотели этим подчеркнуть, что являются существами... имеющими связь с духом». В славянской традиции птицы соотносились с духовной сферой, были вестниками из высшего мира, поэтому головные уборы украшались пе-

рьями или имели вид кокоши, птицы, осеняя голову, таким образом, светом небесного высшего мира.

Отсюда и все крылатые существа положительного характера – феи и эльфы – символы высшей сферы сознания.

Ветер – сила небес, также относится к небесной духовной сфере. «В большинстве религий, а также в мифологии, духовную силу обычно олицетворяет ветер» (Мария-Луиза фон Франц).

К **земной** относятся герои, ищущие победы над врагом, странствующие в поисках прекрасного; природные ландшафты – лес, горы, река, море, поле; животные; стихия воды и населяющие ее ундины, русалки. Вода соотносится с душевными силами, по аналогии качеств. Вода может быть холодной и горячей, грязной и чистой, твердой – лед, жидкой и невесомо парить в небе облаком, вода циркулирует между небом и землей. Так и эмоции человека могут быть возвышенными и низменными, душа может быть холодной как лед и пылать как огонь страстями или любовью.

К **подземной** относятся карлики, гномы, драконы и ящеры, пещеры с сокровищами и т.д. Это сфера подсознательного, где таятся неосознанные, непознанные таланты, а также символ материального мира, материального сознания, область инстинктивных начал.

Все символы, все персонажи сказочно-мифологических миров – это различные начала и качества человека.

Так, **небесная сфера** и населяющие ее существа – это

высшие качества человеческого сознания – истина и мудрость.

Земная сфера – это ищущая высшей сферы воля, познающий разум, прекрасная, но часто неопытная душа, область эмоционального пространства.

Подземная сфера – это подсознание, его скрытые силы, а также область невежественного материального сознания, источник иллюзий и хаоса.

О чем говорят мифы о сотворении мира?

Рассмотрим и проведем сравнительный анализ космогонических мифов народов мира. Почему в своей основе они несут так много сходства? Почему состояние до возникновения Бытия все народы рассматривают как бесформенный океан хаоса и мрака? Почему мир до творения сравнивается именно с некими водами? Из мрака рождается свет, небо отделяется от земли, возникают мужское и женское начала — происходит разделение единства, возникновение дуальности мира. В основе творения лежит идея триединства божества. Но почему все троицы мира состоят из мужского начала?

Может быть, потому, что мир действительно возник так, как описывают мифы, а люди описали это наиболее приближенными к истине словесными образами. Видимо, мифы о бытии и сотворении несут в себе бесконечное множество смыслов, как бесконечна и многолика сама вселенная, которую они описывают. Здесь космогонические мифы рассматриваются с точки зрения одной из граней, в аспекте отражения макрокосмических проявлений в человеке — микрокосмосе.

Древнеегипетское сказание о сотворении мира гласит:
«В начале времен существовал **бескрайний океан**, Нун,

и он был домом Великого Отца. Океан дал жизнь богу солнца, который сказал: «Смотрите! Я – Хепри утром, Ра в полдень и Атум на закате». Бог света сначала появился как **сияющее яйцо**, плавающее на поверхности океана, и духи глубин, которые были Отцами и Матерями, находились рядом с ним, поскольку они были спутниками Нуна.

Затем Ра стал более великим, чем Нун, из которого он возник. Он был отцом богов и их могущественным правителем...

Ра произнес слово в начале Творения и приказал земле и небесам подняться из водных глубин. Они появились в свете своего величия, и Шу поднял Нут на небо. Она образовала купол, который изогнулся над Гебом, богом земли, распростертым под ней. На восточном горизонте находились ноги Нут, а на западном горизонте, вытянув руки, она опиралась на кончики пальцев. В темноте становились видны звезды, мерцающие на ее теле и больших, обнаженных конечностях.

Когда Ра, согласно собственной воле, *произносил вслух свои сокровенные мысли*, то, что он называл, возникало из небытия. Ра смотрел в пространство и все, что он желал увидеть, появлялось перед ним. Он создал всех живых существ, которые передвигаются в морских глубинах и по сухой земле. Затем из его ока родилось человечество...» («Египетская мифология» Энциклопедия. – М. Изд-во Эксмо, 2007. – 592 с.)

Понятие о триедином боге выражено следующими слова-

ми:

«Всего **три** бога есть – **Амон**, Ра, **Птах**,
Нет другого.
Сокрытое имя его – Амон,
Ему принадлежит Ра, как лицо,
Тело его Птах».

(Ян Ассман «Теология и благочестие ранней цивилизации»)

Миф шумеров повествует о начале мира:

«Когда небеса и земля были слиты и не было на них ни травы, ни тростника, ни деревьев, ни рыб, ни зверей, ни людей. Были они как одна гора в пространстве, заполненном **вечными водами** дочери океана Намму, праматери всего сущего. Произвела она из себя Анна (Небо) и Ки (Землю), сына и дочь, и поселила их раздельно. Анна – на вершине горы, а Ки – внизу, под ее подножием. Когда дети выросли, они стали крутить головами и искать друг друга. И свела их Намму, соединила как мужа и жену. И родила Ки владыку Энлиля, наполнившего все вокруг своим могучим дыханием» («Гора небес и земли». *Немировский А.И.* Мифы и легенды Древнего Востока. М., Просвещение, 1994).

Индийские «Веды»:

«В начале не было ни сущего, ни несущего. Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним. Не было ни смерти, ни бессмертия. Не было дня и ночи. Но было нечто, что дышало, не колебля воздуха. И не было ничего, кроме

него. Мир был сокрыт **мраком**. Все было **неразличимой пучиной, пустотой**, порожденной силой жара. Первым пришло желание, семя мысли... Воды возникли ранее всех иных творений. Они породили огонь. Огнем же в них рождено **Золотое яйцо**. Неведомо сколько лет оно плавало в безбрежном и бездонном океане. Из золотого зародыша в яйце возник Прародитель Брахма. Он расколол яйцо. **Верхняя часть скорлупы** стала небом, **нижняя** – землей, а между ними Брахма поместил воздушное пространство. На земле, плавающей среди вод, он определил страны света, положил начало времени. Так была создана вселенная («О том, что было в начале» (Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока. М., Просвещение, 1994).

Мифы Китая также повествуют о сотворении мира из мрака и хаоса. «Согласно общеизвестному мифу, в глубокой древности, когда не существовало еще ни земли, ни неба, в мире царил мрачный, бесформенный хаос. Постепенно в этом мраке возникли два духа – Инь и Ян, которым предстояло упорядочить мир. Дух Ян стал управлять небом, дух Инь – землей... В древнекитайской мифологии существует образ Хуньдунь, воплощающий в себе идею недифференцированного хаоса, бывшего до того, как Вселенная обрела свое существование. Это **образ первобытного яйца** или **мешка**, расщепление которого дает возможность его неразделенному ранее содержимому обрести форму в виде организованной Вселенной» (В. Ежов. Мир возникает из хаоса // Мифы

Древнего Китая. М., «Астрель», 2003). Китайский миф сравнивает сотворение мира с рождением цыпленка из яйца:

«Было время, когда земля и небо еще не отделились друг от друга и, слитые вместе, составляли нечто, отдаленно напоминающее по виду **куриное яйцо**. Здесь и зародился, как цыпленок в желтке, первый человек Пань-гу. Прошло восемнадцать тысяч лет, прежде чем он пробудился. Вокруг был **непроницаемый липкий мрак**, и сердце человека онемело от страха. Но вот его руки нащупали какой-то предмет. Это был невесть откуда взявшийся топор. Пань-гу размахнулся что было сил и ударил перед собой.

Раздался оглушительный грохот, словно бы от того, что надвое раскололась гора. Неподвижный мир, в котором находился Пань-гу, пришел в движение. Все *легкое и чистое всплыло вверх, а тяжелое и грязное опустилось на дно*. Так возникли небо и земля...»

Сказания Японии о зарождении мира:

«В те времена, когда Хаос уже начал сгущаться, но еще не были явлены ни Силы, ни Формы, и не было еще ничему Имени, и ни в чем Деяния, кто мог бы тогда познать его образ?

Но вот настало впервые разделение Неба-Земли, и **три божества** (*Амэ-но-Минака-нуси, Така-ми-мусуби и Ка-ми-мусуби* – «Троица» синтоизма, первые явленные божества) совершили почин творения; и раскрылись мужское и женское Начала, и Два Духа стали родоначальниками всех

вещей.

И вошел Он во мрак, и выступил на свет; когда Он омыл глаза, солнце и луна пролили свой блеск; и поплыл Он, и погрузился в воды моря; и когда Он омывал свое тело, возникли небесные и земные божества» («Кодзики», гл. «Записи о деяниях древности свиток 1». Составление и общая редакция Р.В. Грищенко. Санкт-Петербург, «Кристалл», 2000).

Сотворение мира, описанное в Библии:

«Когда в начале сотворил Элохим небеса и землю, не имела земля ни формы, ни вида, и была **тьма над лицом бездны**, и дуновение божье витало над **водой**. И **сказал** Элохим: «Да будет свет!» И стал свет. И увидел Элохим, что свет хорош, и отделил свет от тьмы. И назвал он свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день первый.

И сказал Элохим: «Да будет твердь внутри вод и да отделил она воды от вод». И сотворил Элохим твердь и отделил от воды, что под твердью. И назвал Элохим твердь небесами. И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Элохим: «Да соберутся воды, что под небесами, в одно место. И да явится суша!» И это свершилось. И назвал Элохим сушу землей, а стечение вод – морями. И увидел Элохим, что это хорошо. И сказал Элохим: «Да произведет земля зелень – траву, имеющую семена, и деревья, приносящие плоды по роду своему». И свершилось это. Выпустила из себя земля зелень – траву, имеющую семена, и деревья, приносящие плоды...» (Немировский А.И. Библейские

сказания // «Мифы и легенды Древнего Востока». М., Просвещение, 1994).

Мифы индейцев майя в сказании «Пополь-Вух» так повествуют о сотворении:

«Это – рассказ о том, как все было в состоянии **неизвестности**, все холодное, **все в молчании**; все бездвижное, тихое; и пространство неба было **пусто**.

Это – первый рассказ, первое повествование. Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов; существовало только небо.

Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес.

Не было еще ничего соединенного, ничто не могло произвести шума, не было ничего, что могло бы двигаться, или дрожать, или шуметь в небе.

Не было ничего, что существовало бы, могло бы иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.

В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание.

Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах. Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями, и потому они назывались Кукумац. По природе своей они были большими мудрецами и большими мыс-

лителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось **Сердце небес** – таково имя бога и так он назывался.

Тогда пришло **его слово**. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот они говорили, обсуждая и совещааясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли.

И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек. Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека. Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан.

Первый называется Какулха-Хуракан. Второй – Чипи-Какулха. Третий – Раша-Какулха. **И эти три суть единое Сердце небес.**

Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сделано, чтобы появились свет и заря; кто должен быть тот, кто заботился бы об их пище и пропитании.

– Так пусть это свершится! Да будет заполнена пустота! Пусть воды отступят и образуют пустоту пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится, – так говорили они. – Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей! Но нет ни славы, ни величия в этом нашем творении, в нашем созидании, пока не будет создано человеческое суще-

ство, пока не будет сотворен человек, пока не будет создан человек! – так говорили они.

Тогда была сотворена ими земля. Так в действительности совершилось ее создание. **«Земля!» – воскликнули они,** и немедленно она была сотворена... Сперва были созданы земля, горы и долины; был указан путь водным потокам, ручьи стали свободно бежать у подножия холмов и между ними. С тех пор отделены были друг от друга реки, когда появились высокие горы.

Так была сотворена земля, когда она была образована Сердцем небес, Сердцем земли, как они называются, теми, кто впервые сделал ее плодородной, когда небо было в состоянии неизвестности, а земля была погружена в воду.

Вот что было совершено ими после обдумывания, после размышления, что должно стать, благодаря им, действительностью» («Легенды и мифы народов мира. Америка, Австралия и Океания». Сборник. М., «Мир книги», «Литература», 2006).

Мифы индейцев пима Северной Америки говорят о сотворении:

«В начале не было ничего, кроме **тьмы и воды**. Тьма сгустилась в некоторых местах, и из нее возник Создатель. Он бесцельно **блуждал над водой** и начал **мыслить**. Он ясно понял, кто он такой и что ему надо сделать. Он **погрузил руку в свое сердце** и извлек из него волшебный жезл творения.

Он использовал его как посох, и когда на конце посоха собралось немного смолы, он превратил ее в муравьев. Потом он взял еще смолы и слепил из нее ступнями совершенно круглый шар, напевая при этом:

Я творю мир, и глядите,

Мир завершен.

Я творю мир, и глядите,

Мир завершен.

Да будет так, да будет так,

Да будет так, пусть все начнется!

Пока он пел, шар становился все больше и больше, пока наконец не достиг размеров Земли; так была создана Земля.

Потом Создатель взял большую скалу, разбил ее и швырнул в небеса, где ее обломки превратились в звезды. Потом он сотворил подобным образом Луну, но ни Луна, ни звезды не давали достаточно света.

Тогда Создатель взял две чаши с водой, вышедшей из его собственной плоти, и стал **мыслить о свете**. Когда он разделил чаши, в небе появилось Солнце. Но оно еще оставалось неподвижным. Поэтому Создатель по сей день бросает его, словно мяч, к востоку, а оно отскакивает на запад» (*Джон Ф. Бирлайн. Параллельная мифология. М., «КРОН-ПРЕСС», 1997*).

Поэма аккадян и вавилонян «Когда вверху» так рассказывает о творении мира:

«Когда вверху небеса еще не имели названья, когда твердь имени не имела, когда были лишь первородный их сотворитель Апсу (Апсу – **мировой океан** подземных пресных вод, воплощение первозданной стихии, первопричина жизни. Соответствует греческому Хаосу) и Мумму (Мумму – советник Апсу, обладающий лучами его сияния), мудрый его советник, и Тиамат (Тиамат – олицетворение первозданной стихии женского пола), всего живого праматерь. Жили они **в Океане**, воедино смешивая свои воды. Когда ни болот, ни строений не было видно, вообще ничто имени не имело, тогда среди них появились боги» (*Немировский А.И. Сказания народов древней Месопотамии // Мифы и легенды Древнего Востока*).

В карело-финском эпосе «Калевала» так повествуется о сотворении мира:

Дочь воздушного пространства,
Стройное дитя творенья,
Долго девой оставалась,
Долгий век жила в девицах
Средь воздушного простора,
В растянувшихся равнинах.
Так жила и заскучала,
Странной жизнь такая стала:
Постоянно жить одною
И девицей оставаться
В той большой стране воздушной,

Средь пустынного пространства.
И спустилась вниз девица,
В *волны вод* она склонилась,
На хребет прозрачный моря,
На равнины вод открытых;
Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны.
Ветром деву закачало,
Било волнами девицу,
Закачало в синем море,
На волнах с вершиной белой.
Ветер плод надул девице,
Полноту дало ей море.
И носила плод тяжелый,
Полноту свою со скорбью
Лет семьсот в себе девица,
Девять жизней человека —
А родов не наступало,
Незачатый – не рождался...
Тихо стала дева плакать,
Говорить слова такие:
«...Лучше б в небе на просторе
Дочкой воздуха осталась,
Чем в пространствах этих чуждых
Стала матерью воды я:
Здесь лишь холод да мученья...
О ты, *Укко, бог верховный!*

Ты, всего носитель неба!
Ты сойди на волны моря,
Поспеши скорей на помощь!
Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева!
Поспеши, не медли боле,
Я в нужде к тебе взываю!»
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Вот летит красotka утка,
Воздух крыльями колышет,
Для гнезда местечка ищет,
Ищет места для жилища...
«Коль совью гнездо на ветре,
На волне жилье поставлю,
Мне гнездо развеет ветер,
Унесут жилище волны».

Мать воды то слово слышит,
Ильматар, творенья дева,
Подняла из волн колено,
Подняла плечо из моря,
Чтоб гнездо слепила утка,
Приготовила жилище.
Утка, та красotka птица,
Полетала, осмотрелась,
Увидала в синих волнах
Матери воды колено...
На колено опустилась
И гнездо себе готовит,

Золотые сносит яйца:

Шесть яичек золотые,
А седьмое из железа.
Вот наседкой стала утка,
Греет круглое колено.
День сидит, сидит другой день,
Вот уж третий день проходит —
Ильматар, творенья дева,
Мать воды, вдруг ощутила
Сильный жар в своем колене:
Кожа так на нем нагрелась,
Словно в пламени колено
И все жилы растопились.
Сильно двинула колено,
Члены сильно сотрясает —
Покатались яйца в воду,
В волны вод они упали,
На куски разбились в море
И обломками распались.
Не погибли яйца в тине
И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращенью:
Из *яйца, из нижней части*,
Вышла мать — земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;

Из белка, из верхней части,

Ясный месяц появился;

Из яйца, из пестрой части,

Звезды сделались на небе;

Из яйца, из темной части,

Тучи в воздухе явились.

И вперед уходит время,

Год вперед бежит за годом,

При сиянье юном солнца,

В блеске месяца молодого.

Мать воды плывет по морю,

Мать воды, творенья дева,

По водам, дремотой полным,

По водам морским туманным;

И под ней простерлись воды,

А над ней сияет небо.

Наконец, в году девятом,

На десятое уж лето,

Подняла главу из моря

И чело из вод обширных,

Начала творить творенья,

Создавать создания стала

На хребте прозрачном моря,

На равнинах вод открытых.

Только руку простирала —

Мыс за мысом воздвигался;

Где ногою становилась —

Вырывала рыбам ямы;

Где ногою дна касалась —

Вглубь глубины уходили.
Где земли касалась боком —
Ровный берег появлялся;
Где земли ногой касалась —
Там лососьи тони стали;
И куда главой склонялась —
Бухты малые возникли...
Вот уж созданы утесы,
Скалы в море основались,
Уж столбы ветров воздвиглись,
Создались земные страны,
Камни ярко запестрели,
Встали в трещинах утесы...

(«Калевала». Пер. с фин. Л.П. Вельского. СПб., Издательский Дом «Азбука-классика», 2007)

Из приведенных примеров видно, что в начале есть только мрак и хаос, часто упоминаются воды хаоса, некой праматери. Примечательно, что первобытные воды во многих культурах ассоциируются с женским началом. Далее общее – мировое яйцо, рождающее мир, несущее в себе символ триединства: желток, белок и скорлупу. Триединство божества: Тримурти – Брахма, Вишну, Шива индусов; Какулха-Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха – триединое сердце небес майя; Амэ-но-Минака-нуси, Така-ми-мусуби и Ками-мусуби – Троица синтоизма; Амон, Ра, Птах египтян; Сварог, Перун, Святовит – Триглав славян; Один, Вилли и Ве – скандинавская троича; триада германского пантеона – Водан, Донар и

Циу Священное число три и деление мира по вертикали на три части также присуще многим народам: мир небесный – богов и духов, мир земной – людей и мир подземный, загробный. Три – символ духовной составляющей мира, энергетической и физической или – идея, энергия и материя, составляющие триединство всякой вещи, всего мира. Три в плане человека – дух, душа и тело.

«Так почему же во всех троицах одни мужчины?» – спросила меня однажды после лекции студентка. Может быть, потому, что все три части мира – мир идей или духовный, мир энергии или душевный и мир физический или мир поступков – создают активные аспекты мира, олицетворенные мужским началом. Именно мужское – творчески активное сеет идеи: идея духовного мира, идея душевного и идея физического олицетворены мужскими божествами. Женское начало призвано дать осуществление возникшему миру, подарить ему красоту симфонию красок и звуков, пронизать и объединить любовью. У трехликого Шивы есть супруга Шакти, дающая ему энергию, без которой он мертв. У египетского демиурга Птаха, сотворяющего мир из праха земли есть возлюбленная Хатхор, вдыхающая влагу жизни в созданные им вещи. Когда богиня покидает вещь, вещь разрушается. Не случайно все великие творцы, гении, пророки, ученые, философы, художники, музыканты – именно мужчины, а женщины среди них – исключение. Но очень часто вдохновением для мужчин в создании великого и гениаль-

ного служат именно женщины.

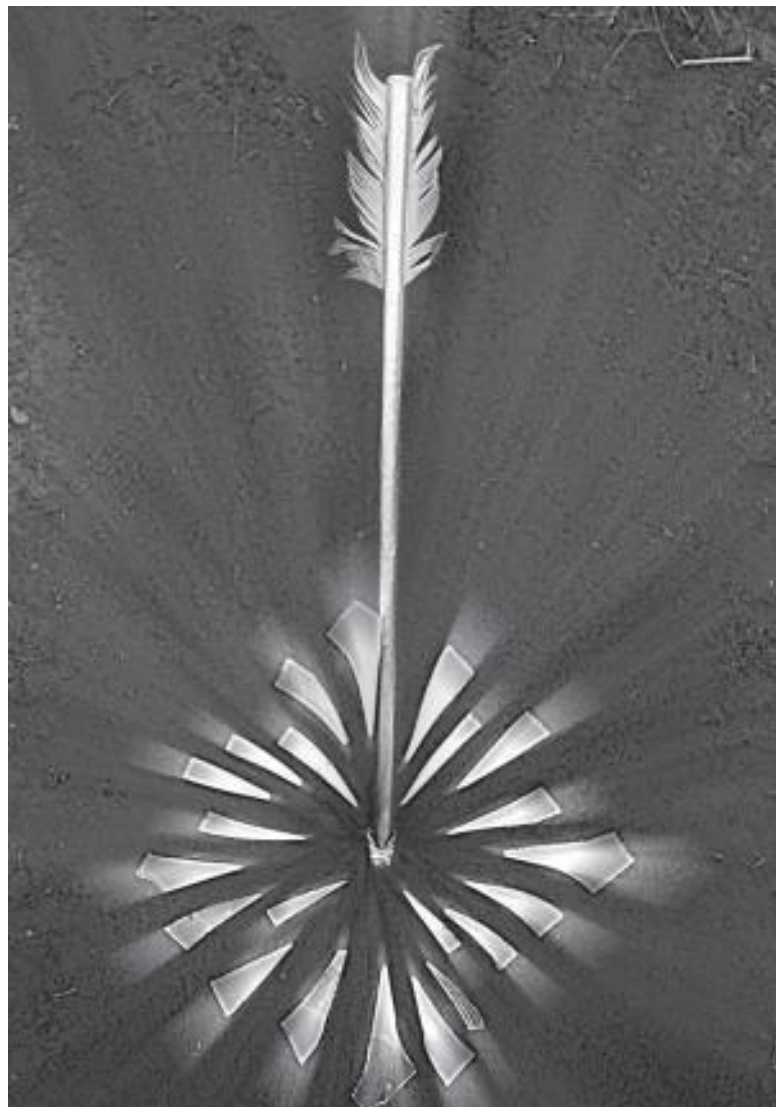
Эротизм сотворения мира

Проводя аналогии рождения мира с зачатием ребенка, обнаруживается удивительное единство. Мужское семя дает начало новому миру – новому человеку, оно активно и стремительно, подобно молнии, летит в пространствах обволакивающей мягкой пустоты женского лона, пронзая светом возбужденного логоса вечную тьму за ее порогом. Но творческий логос пробужден к жизни, любви и сотворению – женщиной, ее зовущим к осуществлению и претворению самих себя вожделенным началом. Вселенский фаллос спал в темноте первобытных вод и был пробужден и восстал из недр океана, влекомый к пробуждению волнами пустоты вселенской женственности, и пролил семя света, озарил глубины тьмы и начал творение. В порыве невыразимой любви к бесконечной вселенной, он создал подобных себе мужчин и подобных ей женщин, чтобы фаллосом каждого мужчины входя в зовущие негой недра каждой женщины признаваться в любви своей вселенской возлюбленной.

Мифы народов мира описывают возникновение во мраке света, творение вселенной звуком или словом.

Когда из первобытных вод хаоса рождается свет, возникает двойственность мира – свет, исходящий от звезд и пространство темноты, принимающей его в свои увлекающие в бездну неозаренности объятия. Разделенное стремится к

единству. Свет спешит наполнить собой темноту, пронзая ее стремительно летящими лучами, и темнота зовет их все дальше, вглубь, увлекая вселенским вихрем оргазма, воссоединения разделенного танцующего мира. Есть только свет и темнота и их вечное соединение, их рождающая миры любовь. Есть только любовь.

Словно стрела, вложенная в натянутую тетиву, стремительно летит слово в незаренных пространствах, взрываясь тысячами всплесков новых миров, созвездий, галактик, сотрясая органами аккордами замеревшую от восторга пустоту. Словно торжествующая молния входит фаллос мужчины в обнимающую бархатными лепестками чашу лона-цветка, наполненную медовым нектаром, увлекаемый и поглощаемый жаждущей его слова, его света, его семени, манящей дорогой влагалища женщины, взрываясь тысячами стрел вселенского оргазма, в поисках почвы для творения нового мира.

Наша разделенная вселенная состоит из темноты, пронизанной крохотными песчинками звезд. Если разделенное противоположно целому, то Целое – это вселенная света, в которой черные дыры – провалы в наш физический мир – столь малы, и не способны давать света, а только поглощать, что их просто нет. Они есть как источник желания, сквозь крохотное отверстие которого Целое изливается оргазмом в творящий мир. Эти черные дыры в мире света становятся окном – лоном женщины, чрез которое желание Целого воплощается в нашем мире, покрытом покрывалом тайны. Женское начало – дверь из мира света в мир темноты, из мира Целого в мир Разделенности. Птицы человеческих душ проваливаются в эти зовущие, манящие колодцы, дно кото-

рых – живая плоть. Птицы душ стремительно летят, повинаясь всеобщему желанию, в распахнутые настежь окна все-ленской женственности.

Фаллической силой слова пахтается мировой океан, создавая бессмертную амриту – нектар единения целого и разделенного в вечном поцелуе.

Но двойственность мира, состоящая из противоположностей, – это в первую очередь конфликт. Это спор между светом и тьмой. Свет стремится наполнить собою тьму, рассеять мрак, а тьма стремится поглотить свет. На грани их конфликта существует мир. Все мировые религии провозглашают торжество добра и ведут человека к гармонии и порядку. Но порядок возможен, если очевиден хаос, жаждать истины можно, если ты познал ужасы, порожденные неведением, стремятся к добру люди, отвергающие зло. Развитие мира совершается на ниве конфликта противоположностей, и вне конфликта нет поступательного эволюционного движения. «А как же гармония?» – спросите вы. Да, гармония завершает определенный этап борьбы, она венчает кратковременную победу над очередным проявлением хаоса, дает умиротворение и счастье. Так заканчиваются в основном все сказки и мифы мира. Но начинаются они с конфликта, продолжаются поиском и борьбой и лишь в конце повествования ждет героя награда и долгожданный покой. Но это лишь на время, конец сказки это не конец жизни, а жизнь –

это конфликт, поиск, борьба, поражение и победа, гармония, счастье и снова конфликт. И не нужно бояться этого слова. Конфликт – это необходимая пружина для развития, он порождает стремление к познанию, к свободе от неведения, к достижению цели... Конфликт и хаос – не одно и то же. Хаос уничтожает. Конфликт состоит из гармонии и хаоса, из их совместного труда, который называется – жизнь.

Бойтся ли Бог хаоса и его проявлений? Станный вопрос. Всех нас учили, что Бог всемогущ, следовательно, ему нечего бояться. Бойтся ли хаос (источник иллюзий) Бога? Если хаос – источник заблуждений, а заблуждения при свете божественного логоса – рассеиваются, следовательно, они бояться исчезнуть. Все существующее жаждет существовать и не желает исчезнуть. Значит, хаос как источник неведения и иллюзий – бойтся Бога. Мы же подобны Богу, как написано. Если мы боимся хаоса, мы подобны ему. Мы стремимся к Богу и при этом шарахаемся от малейшей тени непонятного и поэтому ужасающего. Мы боимся мрака бездны, темных сил и при этом находимся в сфере этого влияния. Страх порождается неведением, неведение лечится постоянным познанием. Если мы осознаем свое подобие Богу, Всевышнему, Высшей творящей силе, страх перед любым проявлением тьмы исчезает.

Мир – это конфликт, мир – это любовь, кому как больше нравится. Гармония и конфликт тоже любят друг друга и не могут существовать отдельно.

Желание летит сквозь ниву пустоты, накаляясь все сильнее и сильнее, и, ударяясь о пределы желаемого, взрывается вихрем миров, существ и тварей, каждые из которых несут в себе волны вселенского взрыва, зовущие вернуться обратно к источнику желания. И все воплощенные осколки разлетевшегося на части целого неумолимо возносятся, влекомые волнами беспрекословного магнетизма объединения в целое, к началу желания.

Желанием Творца было создать этот мир. Страдает ли Создатель от своих желаний? То, что существует целое и разделенное, как проявление желаний целого, уже рождает конфликт между состоянием единства и разделенности. Все воплощенное ликует в радости своего предельного бытия и боится исчезнуть, трепещет от страха перед удочкой времени, на которую поймано поглощающим вещи Целым.

Сотворенное многообразно и разделенно, все вещи отделены друг от друга своим назначением и природой и поверхностью – это цель Целого – разделиться, чтобы проявить желания. Поэтому неудивительно, что люди в этом мире так стремятся отделиться друг от друга – религиозными конфессиями, политическими партиями, философскими убеждениями, стилем одежды и т.д. Это естественно – обособить свою точку зрения от другого, чтобы существовал этот многообразный мир. Разделенность – естественное состояние всего сотворенного. Но единый источник сотворенного побуждает вернуться, поэтому стремление к единству, к объ-

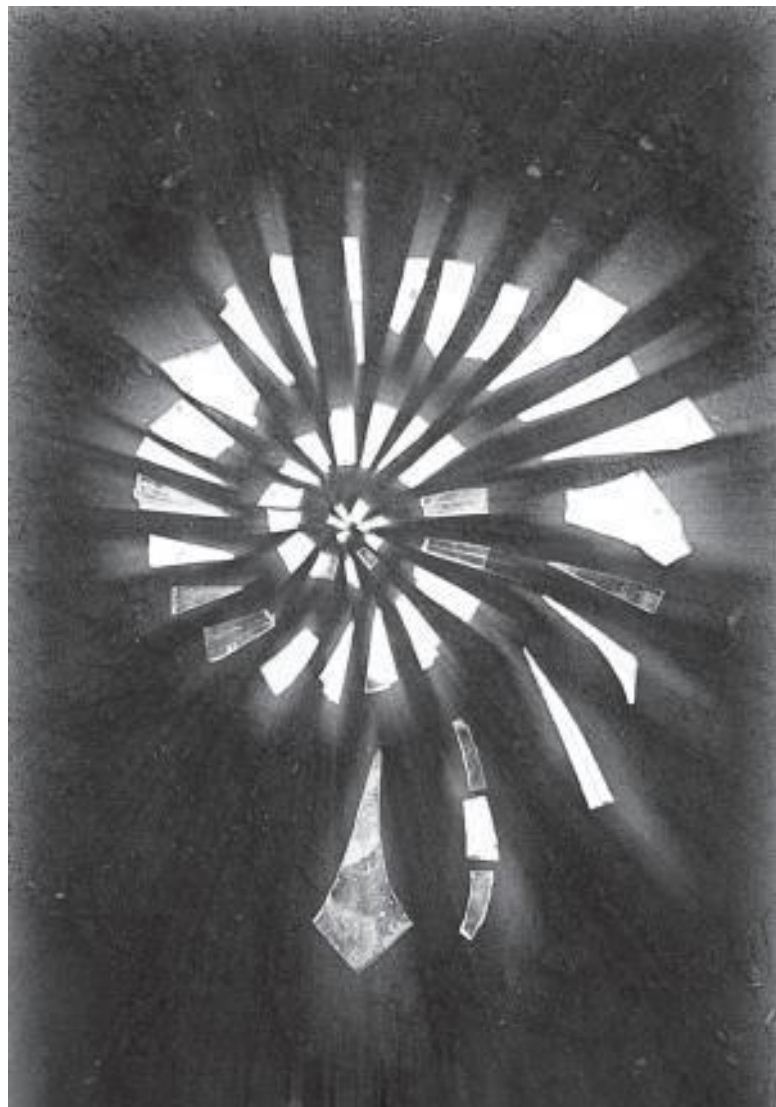
единению среди людей так же естественно, как и разделение. И чем меньше перегородок меж созданным, тем ближе Целое. Но если все перегородки исчезнут, исчезнет разделение и все придут к всеобщему единству, этот физический мир исчезнет. Прекрасно и Разделенное и Целое, и они существуют одновременно, так как между Целым и Разделенным нет перегородок. Целое пронизывает Разделенное, поэтому они существуют вечно вместе.

Можно долго дискутировать по поводу происхождения мира, но рождение каждого человека повторяет сотворение вселенной, каждый человек и есть новая непознанная вселенная. Ребенок во чреве матери пребывает в полной темноте, покачиваясь в околоплодных водах и еще никак не осознает себя. В лоне матери он пребывает в яйцевидном мешке, защищающем его, пока он формируется, и разрывающемся в момент рождения. Первозданное мировое яйцо раскалывается на две части, подобно околоплодному мешку, хранящему младенца, и в его вселенной, где раньше не было верха и низа, впервые появляется небо и земля, в пространстве которых ребенок постепенно начинает себя осознавать. В момент рождения он впервые издает первый звук – крик и открывает глаза – в этот момент в его вселенной появляется свет и звук. Дальнейшее взросление и превращение в человека происходит посредством общения и называния окружающего словом. Известны случаи, когда ребенка выкармливала волчица. Но тогда он оставался животным, не умея

говорить и мыслить словами. Именно речь делает ребенка мыслящим человеком, умение думать словами. Он творит свою вселенную словом, называя вещи вокруг – по аналогии с древними мифами.

Итак, один из контекстов прочтения мифов о сотворении – это акт любви, зачатия и рождения каждого человека.

Триединство мира – это триединство человека, его материальной, психической и духовной природы. Триединство каждой вещи. Это триединство прошлого, настоящего и будущего. Это триединство мира небесного, земного и подземного или загробного.

Сотворение мира – это сотворение каждого из нас из недр небытия. Это свет и тьма нашего разума, это конфликт в поисках желаемого, это любовь во всем ее притяжении. А что волнует тебя более всего, читатель, как не ты сам, не твои переживания, грезы и надежды, не твои осколки разлетающегося счастья, оттого, что ты в сердцах рванул кулаком по своему отражению в мире? Шли твоё блаженство узоров радости под Музой, помогающей сложить разлетевшиеся разноцветные стеклышки в витражи неожиданных свершений?

Почему мифы и сказки столь аналогичны? Они почерпнуты из объективного коллективного опыта человечества. В подсознании каждого человека сокрыты объективные символы. Посмотрим исследование немецких ученых, изучавших рисунки детей разных национальностей и культурных слоев до трех лет. Первое – это так называемые «каля-маля» – ломанные хаотичные линии.

Далее дети наматывают круговые линии – пытаются прийти к спирали, сложнее для ребенка сделать замкнутый круг.

При рассмотрении символов орнаментов разных народов, везде мы найдем спираль и круг. Это символы развития: спираль, наблюдающаяся во вселенной – в структуре космических явлений; круг, не имеющий ни начала, ни конца – символ бесконечности.

Итак, от хаоса – «каля-маля» – ребенок через стремление

к развитию, взрослению – спираль – приходит к организованной структуре – кругу – бесконечному познанию самого себя.

Символика чисел в сказках

Ноль

Ноль предшествует единице, это то небытие, первоизначальный океан хаоса, о котором повествуют мифы разных народов, из которого рождается Логос – единица и куда все, пройдя свой путь развития, возвращается.

Один, единица

Единица – начало отсчета. Пифагор говорил: «Единица – отец всего», подразумевая под этой цифрой Логос, изначальную идею, творящую мир, то, из чего все рождается. Далее единица делит себя пополам, это уже две части, затем на три и так далее. Единица – символ единства, неразделенности, целостности. Все остальные цифры меньше единицы, так как составляют ее часть.

Два

Два – две половинки единицы. Двойка всегда подразумевает полярность, двойственность мира – ночь и день, свет и тьма, мужчина и женщина, тепло и холод, жизнь и смерть, право и лево, тяжелое и легкое и т.д. В сказках часто встречаются два брата и две сестры, олицетворяющие негативные разрушительные силы разума и эмоций. Полярности бывают в сфере добро – зло, положительное – отрицательное, а также в сфере негативного.

Два брата, строящие козни главному герою, – это негативные качества логического начала: безволие – агрессивная воля, догмы и концепции – рассеянность внимания и отсутствие концентрации, хитрость – наивность неведения.

Две сестры, строящие препятствия положительной героине или герою, – это отрицательные силы эмоциональной сферы: гнев – равнодушие, гиперактивность – инертность, страх – безрассудное бесстрашие, жадность – расточительность и т.д.

Три

Три не только в русской культуре, но и многих других – символ триединства мира, трехчленного деления на Небо, Землю и преисподнюю. Практически у всех народов мы можем наблюдать трехчастное деление мира по вертикали. Это небесная сфера и населяющие ее боги, птицы и волшебные существа. Это земной мир людей и подземный мир мертвых. Так в китайской философии мир состоит из трех сфер – это «великий союз неба, земли и человека, – названный Великой троицей» (Гармония неба и земли. *Эдвард Л. Шонесси*. Китай. Земля небесного дракона. М., 2001).

В русской народной традиции тождество представлений человек – дом – космос также рассматривалось в плане триединства. Небесная сфера со светилами и птицами соотносилась с крышей дома и головой человека. Земная сфера соотносилась со срубом дома и телом человека. Подземный мир – мир мертвых – это подпол дома и ноги человека. «Вертикальное членение человеческого тела повторяет устройство мира: голова соотносится с небом, ноги – с землей, пуп уподобляется центру мира – «пупу земли». Дом также соотносится с архаической моделью мира: крыша связана с космическим верхом, сам дом – с землей (миром людей), подполье – с подземельем.

В архаических текстах заговоров членение человеческого

тела ведется либо по направлению снизу вверх или сверху вниз, причем восходящее движение связано с сотворением, синтезом, а нисходящее – с разрушением». (Верования. Ритуал. Символ. *Н.Е. Мазалова*. Человек и дом: тождество русских представлений)

Для индейцев Мезоамерики пространство мира также делится по вертикали – трехчленное пространство (*Г. Еришова*. Древние майя: уйти, чтобы вернуться. М., 2000).

«Священный вигвам североамериканских индейцев алгонкинов и сиу, – пишет Мирча Элиаде, – изображает вселенную. Крыша символизирует небесный свод, пол изображает землю, а четыре стены – четыре стороны света».

«Образ трех космических уровней достаточно архаичен; он встречается, например, у пигмеев племени семанг с Малаккского полуострова: в Центре их мироздания высится огромная скала, Бату-Рибн, под ней располагается преисподняя. Некогда Бату-Рибн был стволом дерева, достигавшего небес. Ад, Центр Земли и Врата Небес находятся, стало быть, на одной оси, вдоль которой осуществляется переход из одной космической области в другую... У римлян, например, *tundus* считался местом пересечения нижних областей и земного мира. Итальянский храм знаменовал собою место, где сходятся верхний (божественный), земной и подземный (адский) миры... Столица китайского императора была осенена волшебным Вознесенным деревом, кьян-му, где перекрещивались три космические зоны: Небо, Земля и преис-

подняя». (Мирча Элиаде «Миф о вечном возвращении»).

«Мировое дерево разделило мир на три яруса, – пишет кандидат искусствоведения Л.М. Буткевич. – Его крона ассоциировалась с Небом, ствол с землей, корни – с подземным океаном, преисподней.

Современный человек, разделивший миропонимание на обыденный уровень, не выходящий за рамки бытовой ориентации в окружающем пространстве, и отвлеченно-научный, доступный далеко не каждому, с большим трудом способен понять, как мыслил древний человек. В его сознании не было такого разделения, и он, образно говоря, постоянно носил в своем представлении весь Космос, усматривая аналоги космологическим процессам в окружающем мире и согласовывая с ними свою собственную деятельность».

«Данные мифологии, – пишет Евсюков в книге «Мифология китайского неолита» (Новосибирск, 1988), – свидетельствуют, что образующее собой сердцевину космоса, появляющееся одновременно с ним из хаоса Мировое Древо мыслится как ... «образ мира», «конспект мироздания». Вся духовная культура древности глубоко космологична, все ее элементы в разной степени соотнесены и субординированы в соответствии с мифологической структурой вселенной, наиболее ярким воплощением которой является Мировое Древо... В трехчастной, разделенной по вертикали системе бытия, средний мир по отношению к оси размещался горизонтально и к тому же делился на четыре равные части».

Итак, мы видим тождество представлений древних народов о космосе и человеке, и членение макрокосма и микрокосма по вертикали на три части. Это членение присуще мифологическому мышлению древних. Следовательно, все персонажи, стихии, герои, волшебные существа и предметы также соотносятся с тремя сферами.

Три – это три начала в человеке – духовное, душевное и телесное.

Три – сфера мысли, сфера чувств и сфера поступков.

Три – идея, энергия, материя, лежащие в основе мироздания. Три – мир духовный, мир живых людей и мир загробный. Все эти понятия воплотились в символе яйца, как образа мироздания, ведущего от поверхности скорлупы материи через белок энергетической части к центру – идее, лежащей в основе всего. Образ мирового древа и мирового яйца, дома, человека и храма несут в себе понятие о трехчленном делении и единстве мира.

Четыре

Четыре – символ четырех сторон света – восток, запад, север, юг. Символ четырех времен года – весна, лето, осень, зима (см. «Четыре опоры»). Графически число четыре изображается в виде символа креста и квадрата. Кандидат искусствоведения Л.М. Буткевич трактует крест как центр, к которому стремится человеческая душа. «В существующей обширной литературе крест трактуется как древнейший сакральный знак, подчеркивающий идею центра, упорядочивающий пространство, определяя в нем направление связей и зависимостей, означающий ориентацию в пространстве, точку пересечения верха – низа, правого – левого. Вертикальный стержень креста в первобытном сознании отождествлялся с Осью мира, Мировым Древом. Стоящая с раскинутыми руками человеческая фигура имеет форму креста, и сам человек в древнем мире воспринимал себя как живую модель Оси мира и системы координат... Квадрат – в отличие от круга связывается с идеей земного начала как места обитания человека, воспринимаемого в системе координат, где выделены стороны света и присутствует четырехмерная цикличность природных явлений. Четырехугольник с крестом еще более усиливает это значение, образуя центр, ось координат... (число восемь) Квадрат в отличие от круга, не имеет природных аналогов, но зато он является наи-

более употребимой формулой при создании человеком множества предметов. Небо-круг тем самым выступает как Бог-творец, выражение Абсолюта, тогда как земля-квадрат – творимое, производное, созданное при посредничестве креста, что вполне соответствует представлениям древности, отраженным во множестве мифов».

«Давно отмечено, пишет В.В.Евсюков, – что горизонтальная ориентация по сторонам света определенным образом увязывается с вертикальной моделью, так что север оказывается тождественным низу, а юг верху». «Известно также, – пишет Л.М. Буткевич, – что исток реки мыслится как верх, устье – низ, на восток поднимаются, а на запад опускаются. Поэтому в огромном количестве мифов поиск Неба ведет к краю земли, где оно сходится с землей». То, что находится вверху, выше области бытия человека – горы и небо, космос в народных представлениях всегда мыслятся как сфера совершенства, добра и истины. То, что находится внизу, ниже стоящего на земле человека, мыслится как область низменного, несущего угрозу и порождающего страх – отсюда образы преисподней с языками пламени, страдающих душ умерших и др. Небо и космос графически изображались в виде круга – замкнутой линии, несущей идею бесконечности пространства и времени. «Круг, – пишет Л. М. Буткевич, – в самом общем аспекте был в древнейшей культуре воплощением представлений о важнейших, основополагающих качествах: абсолютное равенство, прямота, единообразие, беско-

нечность, вечность, круговорот бытия. Сюда входили и морально-эстетические аспекты – добро, красота, и проч. Круг ассоциировался с понятием небесного совершенства – Бог, Небо, Космос, Солнце, луна, звезда, планета и проч.» (См.: *Гроссе Э. О происхождении искусства. М., 1899; Гуцин А.С. Происхождение искусства. М. – Л., 1937; Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986).*

Таким образом, крест представляет собой пространство, графически выраженное вертикальной и горизонтальной линиями: верх – низ, право – лево. Человек, находящийся в центре креста (как пятый элемент) воспринимает то, что парит выше него – недостижимой истиной, совершенством, областью трансцендентных сил, богов, миром духа. А то, что покоится ниже – устрашающей бездной. Горизонталь, разбитая надвое вертикалью рая и ада, образует горизонт жизни человека, где он стоит на распутье между выбором правого и левого пути: правды или искаженной истины, гармонии или хаоса, подвига или эгоистичного наслаждения.

Циклическое повторение времен года отразилось графически в изображении свастики – вращающегося креста. «Свастика, являющаяся в символическом отношении производной от формы креста, как бы означает идею «крест в движении». Тем самым она есть отображение замкнутого кругового движения Вселенной и всего того комплекса идей, которые связаны с идеей креста и круга» (*Буткевич Л.М. Ис-*

тория орнамента. М., 2008).

Свастика – это вращение жизни не только вселенной, но и человека. Это рай и ад, сменяющие друг друга в непрерывной дуальности этого мира, это выбор истинного и ложного путей и последствия этого выбора. Так и катятся в своем круговращательном движении человеческие судьбы, как валы скатанного сена с высоких холмов, а вращает спицу колеса свернувшееся эмбрионом сердце. А потом взбираются на вершины – тяжело хоть валу, хоть свастике, и сердце просыпается, раскидывает руки на все четыре стороны и стучит, стучит многосоставными вагонами идей и распахнутыми дверьми с земли на небо взбираясь по мировому столпу вечной мечты совершенства.

Пять

Человек всегда находится в центре креста – восток, запад, север, юг, и в центре креста времен года. Человек как отражение природных явлений, отражение мира, несет в себе времена года – свое младенчество и юность весны, зрелость лета, плодоносность осени и мудрый покой старости – зимы. Живя внутри пространства восток – запад, где восток – это встающее солнце – символ света знаний, солнца мудрости, а запад – с одной стороны, отдых после созидательных трудов познания дня, с другой – закат солнечного света, т.е. знаний, человек выбирает направление: жизнь, обращенная к востоку – истине, либо жизнь, обращенная к закату – постоянно-му отдыху от знаний, т.е. обращенная к неведению. Другое пространство – север – юг – это пассивные и активные силы внутри человека.

Человек, находящийся в центре этого креста, образует его центр и число «пять», недаром фигура человека вписывается в пентаграмму, пятиконечную звезду.

Шесть

– Что такое человек? – Раб смерти,
мимоидущий путник, гость в своем доме.

– Как он окружен? – Шестью стенами.

– Какими? – Сверху, снизу, спереди, сзади, справа
и слева.

*Алкуин. «Словопрение высокороднейшего юноши
Пипина с Алкуином Схоластиком»*

К кресту, несущему в себе четыре направления, добавляется еще одна горизонталь – спереди и сзади, формируя объемную картину бытия человека. То, что вверху – недостижимое совершенство, то, что внизу – опустошающая пропасть, справа – движение к правде, активное деятельное проявление в жизни, слева – движение к тайне, пассивность для мира и поиск в молчании самого себя. Направление спереди – сзади создает время – будущее и прошлое, между которыми движется человек в вечном настоящем. То, что за спиной человека – его пройденный жизненный путь, его опыт, ошибки и достижения. То, что впереди человека – его будущее, таящее в себе загадки и надежды. Шестерка коней в сказках – это шесть направлений, влекущих колесницу жизни человека. Шесть голов чудовищ и драконов – это сеть иллюзий и заблуждений, встречающихся во всех направлениях пространства и времени. Возносится ли человек в небеса позна-

ния – здесь ожидают его и мудрость и лукавомудрые драконы-мысли. Падает ли он в бездну – и там ожидает его надежда и раскаяние или же шипящие змеи страстей. Идет ли человек вправо или влево – везде его ждут откровения и заблуждения. Вглядывается ли он в свое прошлое или будущее – везде он обнаружит истину и то, что нужно от нее отсечь.

Графически шесть изображается в виде пчелиной соты, имеющей шесть граней, образующих формой своих ячеек бесконечный ковер, подобный бесконечности вселенной. А также шесть образуется из двух перекрещивающихся треугольников вершиной вверх и вниз, образующих форму соты. «Как известно, символикой треугольника с вершиной вверх являлось в древности мужское начало, связанное в то же время с идеей огня (сравним – небесный огонь), тогда как треугольник с вершиной вниз олицетворял женское начало, ассоциирующееся с водой» (*Л.М. Буткевич. История орнамента. М., 2008; Г. Бидерманн. Энциклопедия символов. М., 1996*).

Соединение двух треугольников образует шестерку – единство мужского и женского начал, огня и воды. Треугольник вершиной вверх образует графически восходящее движение снизу вверх – символ устремленности человека к небесам мудрости, к совершенству. Треугольник вершиной вниз образует нисходящее движение, напоминающее воронку, символически собирающее, концентрирующее идеи и приводящее к материализации, рождению. Лоно – бедра

женщины образуют треугольник вершиной вниз, сохраняющий внутри растущее дитя, выскальзывающее при рождении из этой нижней сакральной точки – новому отсчету бытия. Оба треугольника – вершиной вверх и вниз, совмещенные вместе отражают универсальную модель и принцип жизни. Соединение мужского зачинающего начала и женского, рождающего.

Семь

Семь – так же, как двенадцать и девять, – законченный цикл. Семь дней недели, семь цветов радуги, семь нот, семь основных планет Солнечной системы. Это палитра красок сознания и души человека для создания им собственной вселенной. Это семь нот гаммы, звучащей различными мелодиями гармонии и диссонансов человеческой жизни. «Принцип двенадцати, проявляющийся в небосводе с неподвижными звездами, семеричность планет находят свое отражение в образном языке многих сказок, – пишет исследовательница сказки, ученица Штайнера Фридель Ленц. – Парацельс, величайший врач средневековья, еще употреблял названия планет вместо названий органов. Мозг подчинен Луне, легкое – Меркурию, почки соответствуют Венере, сердце – Солнцу, желчь – Марсу, печень – Юпитеру и селезенка – Сатурну» (*Фр. Ленц. Образный язык народных сказок*). Фр. Ленц считает, что цифра «семь», выраженная в различных персонажах, – это «ростки духовно-душевной сущности человека», действующие в каждом человеке. «Интеллектуальная способность принадлежит одному (мозг), сила воли, связанная с Марсом, – другому (желчь), теплота и любящая сердечность – живущему в сердце» и т.д.

Восемь

О цифре «восемь» уже говорилось выше – это крест в квадрате, две соединенные четверки. Это Творец и творимый им материальный мир, это человек и создаваемый им предметный мир.

Девять и десять – стр. 11, «Исторический и символический подход к анализу сказок».

Двенадцать

Двенадцать – еще один завершенный цикл, замкнутое кольцо, бесконечность. Это повторяющийся цикл двенадцати месяцев года. Каждый месяц несет свое значение, свое неповторимое качество. Год поделен на четыре противоположных времени года. Каждый период – весна, лето, осень, зима состоят из трех месяцев.

Весна

Март, апрель и май – можно сравнить с духом весны, душой и телом.

Март – дух весны, сама идея пробуждения природы, торжество света, дающего жизнь, это начало оживления.

Апрель – душа весны. Это весна, набравшая силы для рождения новой жизни, это накапливание под землей мощной энергии, прорывающейся наружу для обретения осуществления. Это радость новой жизни, разлитой в воздухе и вот-вот готовой зазвучать торжественным гимном.

Май – это тело весны, плоды весны – все, что накопило силы и жаждало освобождения от сна, наконец, проросло, расцвело, возблагоухало.

Лето

Июнь – дух лета, июль – душа лета, август – тело.

Июнь – продолжение засева полей. Взрастание молодых побегов. Поиск пары и строительство гнезд. Дух лета в июне закладывает основу для развития, идеи, которые обретут воплощение, семена, которым предстоит вызреть.

Июль – душа лета. Это страда – время напряженной работы в поле, забота об урожае. Это время максимальной энергии, кульминация лета, производительных сил солнца. Июль – знойная, танцующая в буйном радостном танце душа.

Август – тело лета. Идеи, заложенные в июне, обретают

воплощение, семена созревают. Все зеленое – молодое, становится зрелым – золотым.

Осень

Сентябрь – дух осени, октябрь – душа, ноябрь – тело.

Сентябрь – дух осени, собирает созревшие плоды на целый год, до нового обновления и созревания. Земля освобождается от трудов. Для людей сентябрь часто – это начало новых начинаний, учебы, новых дел в профессиональной деятельности после поры отпусков – зарождаются новые идеи, которые будут потом воплощаться в течение года.

Октябрь – душа осени. Природа освобождается от листьев, травы, цветов и плодов в дивном танце пестрых узоров. Душа осени стелет туманы, плачет тихими слезами умиротворения, очищения после долгих трудов.

Ноябрь – тело осени. Задача осени – подготовить природу к зиме, ко сну, к отдыху. В ноябре засыпает природа, приближается тишина и покой, ложится снежное одеяло чистоты. Когда ум и душа человека успокаиваются после активной работы, приходят к гармонии – можно сказать, что в уме и душе властвует ноябрь.

Зима

Декабрь – дух зимы. Время, когда ночи, сумрака становится все больше, а дня и света меньше. В противоборстве двух сил доминирует холод и темнота – атрибуты смерти. Дух зимы – это смерть, закон трансформации, освобождения от тяжелого, нечистого, старого. Белый снег – как белые чистые одежды, в которые облачается мир, чтобы преобразиться и начать новую весну с чистых плодотворных потоков, не внося в новый цикл того, что мешало в предыдущем, ничего хаотичного.

Январь – душа зимы. Света становится больше, торжество сияющих снежных покровов, блистающих на солнце всеми цветами радуги. «Мороз и солнце, день чудесный...» (А.С.Пушкин). Соединение света и чистых покровов застывшей воды – это душа, сияющая всеми красками покоя, семью цветами тишины, многогранными кристаллами чистоты. Когда в душе и разуме человека царит торжественная многоликость покоя, можно сказать, что в его сознании наступил январь.

Февраль – тело зимы. Вьюги и бури, снегопады и вспышки ослепительных лучей солнца, то непроглядная тьма, то сияние вездесущего света. Задача зимы – дать отдых потрудившемуся миру, успокоить, дать силы для нового периода работы, очистить от всего наносного и старого, трансформи-

ровать хаотичное в плодотворное. Февраль – это борьба, – в двери покоя стучится новая жизнь, новые идеи, выпестованные под молчаливыми покрывалами снегов тишины. Февраль приносит самое большое количество снега (по крайней мере так было раньше, до потепления) и света, чтобы весной под воздействием этого животворного света белоснежное одеяло превратилось в пробуждающие, питающие, очищающие воды. Февраль – это распахнутые двери в новую жизнь, сквозь которые стремительным потоком бегут небесные воды тающего снега, спустившегося с высот, несущего пробуждающейся жизни мудрый шепот небес.

Итак, число «двенадцать» несет в себе двенадцать качеств месяцев года:

1. Март – пробуждение
2. Апрель – накапливание сил
3. Май – цветение, засеивание
4. Июнь – взрастание
5. Июль – созревание
6. Август – зрелость, осуществление
7. Сентябрь – плодоношение и распределение плодов
8. Октябрь – подведение итогов
9. Ноябрь – успокоение
10. Декабрь – смерть, сон, отдых, преображение
11. Январь – торжество покоя
12. Февраль – двери в новую жизнь.

Двенадцать можно рассмотреть и как двенадцать знаков

зодиака, также несущих двенадцать различных качеств, имеющих аналогии в сознании человека. Но об этом подробно лучше скажут профессионалы в сфере астрологии.

Двенадцать – одно из излюбленных чисел сказок. Человек не мыслил себя в отрыве от космоса, от неба и небесных явлений. Наблюдая за звездами, он вписывал себя и Землю, на которой он живет, в траекторию движения светил, в общий космический танец. Прохождение Земли через двенадцать зодиакальных созвездий имеет свое отражение в сказочно-мифологических представлениях людей древних цивилизаций. Деление дня и ночи на двенадцать часов. Деление года на двенадцать месяцев. «Обычай принимать за единицу времени солнечный год идет из Египта. Большинство других исторических культур (и до некоторого времени сам Египет) знали год одновременно солнечный и лунный, состоящий из 360 дней (из 12 месяцев по 30 дней в каждом), к которым прибавлялись пять дополнительных дней. Индейцы зуньи называли месяцы «шагами года», а год – «походом времени» (*Мирча Элиаде*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.